

Е. П. Блаватская

РАЗУМ В ПРИРОДЕ

Велико чувство самоудовлетворенности в современной науке, и беспримерны ее достижения. Дохристианские и средневековые философы, по-видимому, оставили после себя кое-какие ориентиры, указывающие на неисследованные залежи, однако открытию всех богатств и бесценных сокровищ мы обязаны настойчивым усилиям современных ученых. Поэтому они заявляют, что подлинное, истинное знание природы Космоса и человека возникло лишь в последнее время. Роскошное современное растение возникло из увядших сорняков древних суеверий.

Однако, не такова точка зрения изучающих теософию. Они говорят, что недостаточно высокомерно высказываться о «несостоятельных представлениях некультурного прошлого», как это делают м-р Тиндаль и другие, чтобы скрыть те интеллектуальные источники, на основании которых выросла слава столь многих современных философов и ученых. Сколь многие из наших выдающихся ученых заслужили почет и уважение просто потому, что они одели в новое платье идеи тех старых философов, которых они всегда готовы третировать, — об этом беспристрастно заявят последующие поколения. Но тщеславие и чрезмерная самоуверенность, как две ужасные раковые опухоли, сидят в мозгу среднего человека науки; это особенно касается востоковедов — санскритологов, египтологов и ассириологов. Первые следуют комментаторам пост-махабхаратского периода (или, может быть, лишь претендуют на то, что они это делают); последние руководствуются искусственно истолкованными папирусами, сопоставляя их с тем, что говорил тот или иной греческий писатель, или же обходя их молчанием, а также клинописными надписями на полуразрушенных глиняных табличках, скопированных ассирийцами с «аккадо»-вавилонских записей. Слишком многие из них склонны забывать при каждом удобном случае, что многочисленные изменения в языке, аллегорическая фразеология и очевидная скрытность старинных мистических писателей, обязанностью которых было никогда не разглашать важные тайны святилища, что все это могло ввести в заблуждение и переводчиков, и комментаторов. Большинство наших востоковедов скорее позволят своему тщеславию расстаться с логикой и способностью к рассуждению, чем признать свое невежество, и они, как профессор Сейс,* будут самодовольно заявлять, что они разгадали истинный смысл религиозных символов прежних времен, и что они могут интерпретировать эзотерические тексты намного правильнее, чем посвященные жрецы Халдеи и Египта. Это равнозначно тому, как если бы сказать, что древние иератические грамматики и священники, которые были изобретателями всевозможных аллегорий, предназначенных для сокрытия многих истин, которым обучали при инициации, — не имели ключа к священным текстам, составленным или написанным ими самими. На том же самом уровне рассуждают некоторые санскритологи, которые, не побывав ни разу в Индии, утверждают, что они знакомы с санскритским произношением, а также со смыслом ведических аллегорий намного лучше, чем самые образованные среди величайших брахманических пандитов и ученых санскритологов Индии.

* См. в «Гиббертовых лекциях» за 1887 год (стр. 14—17) о происхождении и росте религии в древнем Вавилоне. Профессор Сейс говорит, что хотя «многие из священных текстов были написаны так, чтобы быть доступными *лишь для посвященных* [выделено мной] ... обладающих ключами и толкованиями», тем не менее, добавляет он, поскольку многие из последних «находятся в наших руках», они (ориенталисты) имеют «такой ключ для истолкования этих документов, *которым не обладали даже посвященные жрецы*» (стр. 17). Этот «ключ» — современное увлечение, столь дорогое м-ру Гладстону, и столь надоевшее своим однообразием большинству, состоит в том, чтобы в каждом символе древних религий видеть солярный миф и притягивать его, где есть для этого возможность, к сексуальной или фаллической эмблеме. Отсюда

заявление о том, что в то время как «Гиздхубар был только победителем и завоевателем в древности», для ориенталистов, которые «могут проникать вглубь мифов», он является всего лишь солярным героем, который был сам по себе лишь трансформированным потомком скромного бога огня (цит. соч., стр. 17).

После всего этого кто же будет удивляться, что жаргонные выражения и темные места средневековых алхимиков и каббалистов также прочитываются современными учеными в буквальном смысле; что древние греки, и даже образы Эсхила, *корректируются* и улучшаются знатоками греческого из Кембриджа и Оксфорда, и что притчи Платона, смысл которых замаскирован, приписываются его «невежеству». И все же, если изучающие древние языки знают что-то, то им следовало бы иметь ввиду, что метод крайнего утилитаризма практиковался в древней философии так же широко, как и в современной; что с самого начала человечества фундаментальные истины обо всем том, что нам позволено знать на земле, надежно хранились адептами святилища; что различия между верованиями и религиозной практикой было лишь внешним; и что те защитники древнего божественного откровения, которые решали любую проблему, доступную для человеческого интеллекта, были связаны друг с другом всеобщим интуитивным взаимопониманием науки и философии, которое образовывало единую непрерывную цепь вокруг земного шара. И филологии, и востоковедению следует попытаться отыскать конец нити. Но если они будут упорствовать в том, чтобы смотреть только в одном направлении, и это направление окажется ложным, то истина и факт никогда не будут открыты. Таким образом, долгом психологии и теософии является помочь миру достигнуть их. Изучите восточные религии при помощи света восточной, а не западной философии, и если вам удастся ослабить хотя бы одну петлю в узле древней религиозной системы, то вся цепь мистерий может быть распутана. Но для того, чтобы достичь этого, не следует соглашаться с теми, кто учит тому, что нефилософично вопрошать о первопричинах, и что все, что в наших силах, — это рассматривать их физические следствия. Область научного исследования со всех сторон ограничена физической природой; таким образом, как только достигаются границы материи, исследование должно остановиться, и работа должна быть начата заново. Поскольку теософ не имеет желания играть роль белки в колесе, то он должен отказаться от того, чтобы следовать указаниям материалистов. Во всяком случае, он знает, что перевороты в физическом мире, в соответствии с древним учением, сопровождаются сходными переворотами в интеллектуальном мире, ибо духовная эволюция вселенной, так же как и физическая, протекает циклически. Не видим ли мы в истории регулярного чередования приливов и отливов волн человеческого прогресса? Не видим ли мы в истории, и не обнаруживаем ли мы даже в пределах нашего собственного опыта подтверждение тому, что великие царства мира, достигнув наивысшей точки своего могущества, падают вниз в соответствии с тем же самым законом, по которому они возвышались? до тех пор, пока, достигнув самой низшей точки, человечество вновь не заявит о себе и не поднимется вновь, причем высота его подъема, по тому же закону циклически возрастающей прогрессии, будет несколько большей, чем та, с которой оно начало опускаться. Царства и империи подвержены тем же самым циклическим законам, что и растения, народы и все что угодно в Космосе.

Разделение истории человечества на периоды, которые индусы называют сатья, трета, двапара и кали югами, а греки «золотым, серебряным, медным и железным веками», не являются выдумкой. Мы видим одно и то же в литературе разных народов. Период великого вдохновения и бессознательной деятельности постоянно сменяется периодом критицизма и осознания. Первый дает материал для анализирующего и критически мыслящего интеллекта второго.

«Это время более, чем когда-либо, благоприятно для обозрения старых философий. Археологи, филологи, астрономы, химики и физики, все ближе и ближе подходят к той точке, в которой они будут вынуждены рассматривать их. Физическая наука уже достигла

границ своего исследования; догматическая теология видит, что источники ее вдохновения высохли. Приближается день, когда мир получит доказательства того, что только древние религии находились в гармонии с природой, и что древняя наука заключала в себе все, что может быть познано.»

Снова повторяется пророчество, которое уже было высказано двадцать два года назад в «Разоблаченной Изиде».

«Долго хранимые тайны могут быть раскрыты, давно забытые книги, давно утраченные искусства могут снова быть вынесены на свет; папирусы и пергаменты неопределимой важности попадут в руки тех, кто решится снять их с мумий или споткнется о них в могильных склепах; таблички и колонны, чьи рельефные изображения будут потрясать теологов и сбивать с толку ученых, — все это может быть выкопано и объяснено. Кто знает возможности будущего? Скоро наступит эра освобождения от иллюзий — нет, она уже наступила. Цикл почти завершился; новый цикл близок к своему началу, и будущие страницы истории, вероятно, предоставят полное свидетельство и доказательство вышесказанного.»

Многое из всего этого произошло с тех пор, когда это было написано, и одно открытие ассирийских глиняных табличек побудило исследователей клинописных надписей (как христианских, так и свободомыслящих) изменить представления о самом возрасте мира.*

* Саргон, первый «семитский» монарх Вавилонии, прототип Моисея, теперь относится к 3750 году до нашей эры (стр. 21), и третья династия в Египте — к периоду «около 6000 лет назад», следовательно, за несколько лет до сотворения мира в соответствии с библейской хронологией (см. «Гиббертовы лекции о Вавилонии» А. Г. Сейса, 1887 год, стр. 21 и 33).

Хронология индийских Пуран, воспроизведенная в «Тайной Доктрине», ныне высмеивается, но может наступить и такое время, когда она будет пользоваться всеобщим признанием. Лишь сегодня это может рассматриваться как простое предположение. Поистине, это лишь вопрос времени. Ибо вся суть споров между защитниками древней мудрости и ее отрицателями — мирскими и клерикальными — основывается (а) на неправильном понимании древних философий из-за отсутствия ключей, открытием которых хвастаются ассириологи; и (б) материалистических и антропоморфических тенденциях нашего века. Это никоим образом не мешает дарвинистам и материалистическим философам вести раскопки в рудниках древних и извлекать для себя пользу из того идейного богатства, которое они там находят; и не препятствует богословам открывать христианские догмы в философии Платона и называть их «предчувствиями», как это делается в «Монументальном христианстве» д-ра Ланди и других современных работах.

Таковыми «предчувствиями» наполнена вся литература — или то, что осталось от такой жреческой литературы — Индии, Египта, Халдеи, Персии, Греции и даже Гватемалы (Пополь-Вух). Основанные на одном и том же фундаменте, — древних мистериях, — старые религии, все без единого исключения, отражают наиболее важные из всеобщих верований, например такие, как безличный и вселенский божественный Принцип, абсолютный по своей природе и недоступный для интеллекта «мозга», или для обусловленной и ограниченной познавательной способности человека. Невозможно вообразить какого-либо свидетеля этого, иного, нежели Универсальный Разум, Душа вселенной. То единственное, что является неоспоримым и непрерывным доказательством и свидетельством существования этого Единого Принципа — это наличие несомненного порядка в космическом механизме, рождения, роста, смерти и преобразования всего во

вселенной, от молчаливых и недостижимых звезд до незаметного лишайника, от человека до невидимых существ, ныне называемых микробами. Отсюда всеобщее признание «Божественной Мысли», *Anima Mundi* (Божественной Души) всем древним миром. Это идея Махат (великой) Акаши или ауры трансформации Брахмы у индусов, Алайи, «божественной Души мысли и сострадания» у трансгималайских мистиков; «непрестанно сознающей Божественности» у Платона — древнейшая из всех доктрин, которые знает сегодня человек и в которые он верит. Поэтому о них нельзя сказать, что они были созданы ни Платоном, ни Пифагором, ни кем-либо из философов исторического времени. Халдейский оракул говорит: «Деяния природы сосуществуют с интеллектуальным [νοερω], духовным Светом Отца. Ибо это Душа [ψυχη], которая украсила великие небеса, и которая украшает их после Отца».

«Невещественный мир уже был тогда совершенным, пребывая в Божественном Разуме», — говорит Филон, которого ошибочно обвиняют в том, что его философия исходит от Платона.

В теологии Мокхуса мы обнаруживаем сперва эфир, а затем воздух; это два принципа, из которого родился Улом, *явленный* [νοητος] Бог (видимая материальная вселенная).

В орфических гимнах Эрос-Фанес развивается из Духовного Яйца, которое оплодотворяют эфирные ветры, причем ветер является «Духом Бога», который, как говорят, движется в эфире, «погруженный в размышления над Хаосом», — то есть, Божественной «Идеей». В Катха упанишаде индусов Пуруша, Божественный Дух, предшествует первичному Веществу; из их объединения возникает великая Душа Мира, «Маха-Атма, Брахм, Дух Жизни»; последние названия идентичны с Универсальной Душой, или *Anima Mundi*, и Астральным Светом теургистов и каббалистов.

Пифагор принес свои учения из восточных святилищ, а Платон собрал их в более понятной для ума непосвященного форме, чем таинственные числа Мудреца — доктрины которого он полностью принимал. Таким образом, Космос, по Платону, — это «Сын», отцом и матерью которого являются Божественная Мысль и Материя. «Первичное Существо» (или — *Существа*, согласно теософам, так как они являются соединением божественных Лучей) — это эманация Демиургического или Универсального Разума, который от вечности содержит в себе идею «творимого мира», идею, которую непроявленный ЛОГОС производит из Себя Самого. Сперва Идея «рожденная во тьме до сотворения мира» остается в непроявленном Разуме; затем эта Идея появляется в виде отражения из Разума (теперь уже проявленного ЛОГОСА), облачаясь в материальную форму и становясь объективным существованием.

«Люцифер», сентябрь 1896 г.

КОСМИЧЕСКИЙ РАЗУМ

Все, что покидает состояние *лайы* (однородного), становится активной сознательной жизнью. Индивидуальное сознание происходит из абсолютного сознания, которое является вечным Движением, и возвращается в него.

— «Эзотерические аксиомы»

Чем бы ни было то, что думает, понимает, хочет и действует, — это нечто небесное и божественное, и потому должно необходимым образом быть вечным.

— Цицерон

Концепция материи Эдисона уже упоминалась нами ранее. М-р Г. Парсонс Латроп сообщает в «Harper's Magazin», что великий американский специалист по электричеству высказал свое убеждение в том, что атомы «обладают некоторым количеством разумности», и проявил терпимость к другим фантазиям такого рода. За этот полет фантазии февральский номер «Review of Reviews» делает выговор изобретателю фонографа и критически замечает, что «Эдисон чересчур предался мечтаниям», и что его «научное воображение» трудится неустанно.

Было бы хорошо, если бы люди науки побольше занимались своим «научным воображением», а догматическим и холодным отрицанием — немножко меньше. Мечты бывают разного рода. В том странном состоянии бытия, которое, как говорил Байрон, приводит нас к тому, что «мы можем видеть с закрытыми глазами», человек часто воспринимает более реальные факты, чем во время полного бодрствования. Воображение является одним из сильнейших элементов человеческой природы, или говоря словами Дугалда Стюарта — это «великий источник человеческой активности и основное средство улучшения человека... Стоит разрушить эту способность, и состояние человека станет таким же неизменным, как у животных». Оно является лучшим проводником для наших слепых чувств, и без него они никогда не могли бы вывести нас за пределы материи и ее иллюзий. Величайшие открытия современной науки обязаны своим появлением способности к воображению своих авторов. Но что бывает, когда постулируется что-либо новое, когда выдвигается теория, противоречащая своей хорошо прижившейся предшественнице, не соответствующая общепринятой науке, которая пытается подавить ее? Гарвея тоже вначале считали «мечтателем» и сумасшедшим в придачу. В конце концов, вся современная наука состоит из «рабочих гипотез», плодов «научного воображения», как это удачно определил м-р Тиндаль.

Поскольку идея о сознании в каждом атоме и о возможности полного контроля человека над клетками и атомами своего тела до сих пор не имели *imprimatur* [одобрения] «пап» точной науки, значит ли это, что эта идея должна быть отброшена как мечта? Аналогичные представления содержатся и в оккультизме. Оккультизм говорит нам, что каждый атом, подобно монаде Лейбница, заключает в себе маленькую вселенную, и что каждый орган и каждая клетка человеческого тела обладают своим собственным мозгом, имеющим память, опыт и способности к различению. Идея Универсальной Жизни, состоящей из жизней отдельных атомов, — это одно из древнейших представлений эзотерической философии, и самая современная гипотеза нашей науки, а именно гипотеза о *жизни кристаллов*, — это первый луч древнего светильника знания, который достиг наших ученых. Если можно показать, что растения имеют нервы, ощущения и инстинкты (что представляет собой лишь другое название сознания), почему бы не допустить то же самое и по отношению к клеткам человеческого тела? Наука разделяет материю на органическую и неорганическую части лишь потому, что она отрицает идею *абсолютной жизни* и жизненного принципа как единого целого: в противном случае, она бы первой увидела, что *абсолютная жизнь* не может создать даже геометрическую точку, или какой-либо атом, являющийся неорганическим. Но они говорят, что оккультизм «учит тайнам», а тайна — это *отрицание здравого смысла*, то есть это опять же метафизика, только в

виде поэзии, как говорит м-р Тиндаль. Для науки не существует такой вещи, как тайна; и поскольку Жизненный Принцип является и всегда будет оставаться для интеллекта наших цивилизованных народов тайной на *физическом плане*, — те, кто занимаются этим вопросом, с необходимостью должны быть или дураками, или мошенниками.

Dixit (сказано). Несмотря на это, мы можем повторить вместе с французским проповедником: «Тайна — это неизбежность в науке». Официальная наука окружена со всех сторон и огорожена недостижимыми тайнами, в которые никогда нельзя будет проникнуть. А почему? Просто потому, что физическая наука обрекает сама себя на развитие, подобное бегу белки в колесе материи, ограниченное нашими пятью чувствами. Хотя она несведуща как в образовании материи, так и простой клетки; хотя она бессильна объяснить, чем является это, то или что-либо другое, все же она будет превращать в догму и настаивать на том, чем на самом деле не являются ни жизнь, ни материя и все остальное. Получается, что слова отца Феликса, адресованные пятьдесят лет назад французским академиком, стали почти бессмертными как трюизм. «Джентльмены», — сказал он, — «вы вкладываете в наши уста упрек, что мы учим тайнам. Но вообразите науку, какую вы хотите; последуйте за всем великолепием ее выводов ... и когда вы достигнете ее истинного источника, вы столкнетесь лицом к лицу с неизвестным!»

Теперь для того, чтобы раз и навсегда покончить с этим проклятым вопросом в умах теософов, мы собираемся доказать, что современная наука благодаря физиологии сама находится накануне открытия того, что сознание является универсальным, подтверждая таким образом «мечты» Эдисона. Но прежде чем мы это сделаем, мы намерены показать, что хотя многие из людей науки все более и более проникаются таким убеждением, очень немногие являются достаточно смелыми, чтобы открыто признать его, как это сделал покойный доктор Пирогов из Санкт-Петербурга в своих посмертных «Воспоминаниях». Этот великий хирург и патолог поистине вызвал своей публикацией взрыв осуждения со стороны своих коллег. Как это может быть, спрашивала публика? Доктор Пирогов, которого мы считали почти полным воплощением европейской мысли, может разделять суеверия безумных алхимиков? Тот, кто по словам своего современника:

«был истинным воплощением точной науки и ее методов мышления; тот, кто рассекал сотни и тысячи человеческих органов, знакомясь таким образом со всеми тайнами хирургии и анатомии так, как мы знакомы с нашей обычной мебелью; ученым, для которого не было секретов в физиологии, и кто превыше всех людей был одним из тех, у которого Вольтер мог бы спросить иронически, не нашел ли он бессмертную душу между мочевым пузырем и слепой кишкой, — тот же самый Пирогов, как это выяснилось после его смерти, посвятил целые главы своего литературного Завещания научной демонстрации...» («Новое время» за 1887 год).

...Демонстрации чего? Ну конечно, существования в каждом организме *отдельной* «ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ», независимой от какого-либо физического или химического процесса. Как и Либих, он признал всеми осмеянную и запрещенную однородность природы — Жизненный Принцип — эту преследуемую и злополучную телеологию, или науку о конечных причинах вещей, которая является столь же философской, сколь и *ненаучной*, если доверять имперским и королевским академиям. Его непростительный грех в глазах догматической современной науки состоял, однако, в следующем: великий анатом и хирург имел «наглость» заявить в своих мемуарах:

«У нас нет причины отрицать возможность существования организмов, наделенных такими свойствами, которые сделали бы из них — *непосредственным воплощением универсального разума* — усовершенствование, недоступное для нашего собственного

(человеческого) разума... Ибо, мы не имеем права считать, что человек является последним выражением божественной творческой мысли.»

Таковы главные еретические мысли того, кто занимал высокое положение среди людей точной науки этого века. Его «Воспоминания» откровенно показывают, что он не только верил в Универсальное Божество, божественное Мышление, или герметическую Божественную Мысль и Жизненный Принцип, но и учил этому и пытался продемонстрировать это научным образом. Так, он доказывает, что Универсальный Разум не требует ни физико-химического, ни механического мозга в качестве органа передачи. Он заходит даже столь далеко, что признает это в таких глубоких словах:

«Наш разум должен *со всей необходимостью признать* бесконечный и вечный Разум, который руководит и управляет океаном жизни... *Мысль и божественное мышление, в полном согласии с законами единства и причинности, с достаточной очевидностью проявляются в универсальной жизни без участия жирного вещества, называемого мозгом...* Направляя силы и элементы на образование организмов, этот *жизненный принцип становится самоощущающим, самосознающим, присущим целому народу или индивидуальным. Вещество, руководимое и направляемое жизненным принципом, организуется в определенные типы в соответствии с неким общим планом...*»

Он объясняет это убеждение признанием в том, что за всю свою долгую жизнь, заполненную изучением, наблюдением и опытами, он никогда не мог

«приобрести уверенность в том, что наш мозг является единственным органом мысли во всей Вселенной; что все остальное в этом мире, за исключением *этого* органа, должно быть бесчувственным, и что одна лишь человеческая мысль должна вносить смысл во Вселенную и разумную гармонию — в ее целостность.»

A propos материализма Молешотта, он добавляет:

«Сколько бы рыб и гороха я не съел, я никогда не соглашусь отдать мое *эго* в заточение к продукту, извлекаемому современной *алхимией* из мочи. Если, согласно нашим представлениям о Вселенной, наша судьба заключается в том, чтобы впасть в иллюзии, тогда моя «иллюзия» имеет по крайней мере то преимущество, что она является весьма утешительной, ибо она рисует мне разумную Вселенную и деятельность Сил, работающих в ней гармонично и разумно, и то, что мое «Я» — это не продукт химических и гистологических элементов, но *воплощение всеобщего универсального Разума*. Я чувствую и рассматриваю этот последний как действующий при помощи свободной воли и сознания в соответствии с теми же законами, которые руководят моим собственным разумом, но лишены тех ограничений, которые мешают нашей сознательной человеческой индивидуальности.»

Ибо, как замечает в другом месте этот философ и великий ученый:

«*Безграничность и вечность — это не только постулат нашего разума и рассудка, но и сам по себе факт гигантского значения. Что стало бы с нашими этическими и моральными принципами, если бы их основанием не служила бы вечная и всеобщая истина!*»

Вышеприведенные отрывки, переведенные *буквально* и отражающие убеждения того, кто в течение своей долгой жизни был звездой первой величины в области патологии и хирургии, показывают, что он был целиком пропитан философией разумного и научного

мистицизма. Читая «Воспоминания» этого человека, пользовавшегося научной славой, мы чувствуем гордость оттого, что обнаруживаем в нем признание почти в полном объеме фундаментальных доктрин и убеждений теософии. Имея в рядах мистиков такой исключительно научный ум, мы принимаем почти как комплимент идиотские насмешки, дешевую сатиру и резкие нападки некоторых европейских и американских «свободомыслящих» на нашу великую Философию. Более чем когда-либо они представляются нам похожими на испуганный и неблагозвучный крик ночной совы, торопящейся укрыться в своих темных руинах до того, как возникнет свет утреннего солнца.

Прогресс самой физиологии, как мы только что сказали, является убедительной гарантией того, что уже близка заря того дня, когда полное признание повсеместно распространенного разума будет установленным фактом. Это *только* вопрос времени.

Ибо, невзирая на заявления физиологов о том, что целью их исследований является только объединение всех жизненных функций для того, чтобы привести их в определенный порядок, обнаруживая их взаимоотношения и связи с законами физики и химии, то есть в своей конечной форме, с механическими законами, — мы опасаемся, что существует немало противоречий между признаваемой целью и рассуждениями ряда наших лучших современных физиологов. Хотя немногие из них могли бы отважиться на то, чтобы столь открыто, как это сделал д-р Пирогов, вернуться к «отвергнутому предрассудку» *витализма* и решительно изгнанному жизненному принципу — *principium vitae* Парацельса, — все же физиология стоит в крайнем недоумении, в лице своих наиболее талантливых представителей, перед определенными фактами. К нашему сожалению, этот век не способствует развитию нравственной смелости. Не настало еще время для того, чтобы большинство могло действовать, руководствуясь благородной идеей «*principia non homines*». И все же есть исключения из этого общего правила, и физиология, чья судьба — стать служанкой оккультных истин, не оставила их без своих свидетельств. Уже есть такие люди, которые смело протестуют против некоторых до сих пор излюбленных утверждений. Например, некоторые физиологи уже отказываются от того, что в живых существах действуют исключительно силы и субстанции так называемой «неодушевленной» природы. Ибо, как они хорошо доказывают:

«Тот факт, что мы отказываемся от вмешательства других сил в живые существа, *полностью зависит от ограниченности наших органов чувств*. Действительно, мы используем одни и те же органы для наблюдения как одушевленной, так и неодушевленной природы, и эти органы могут обнаружить проявления лишь ограниченного набора движений. Колебания, проходящие по волокнам наших зрительных нервов к мозгу, достигают нашего восприятия при помощи нашего сознания как ощущения света и цвета; колебания, влияющие на наше сознание посредством слуховых органов, производят на нас впечатление звуков; все наши чувства, через какой бы из наших органов они не приходили, обусловлены ничем иным, кроме движений.»

Таковы представления физической науки и таковы же были в самых грубых очертаниях представления оккультизма в очень далеком прошлом. Однако между этими двумя взглядами существует различие, и в высшей степени существенное: официальная наука видит в движении лишь слепую, неразумную силу или закон; оккультизм, проследивая движение вплоть до его источника, отождествляет его с Универсальным Божеством и называет это вечное, никогда не прекращающееся движение, «Великим Дыханием».*

Сколь бы ограниченным ни было представление современной науки о так называемой силе, тем не менее оно достаточно внушительно для того, чтобы мы привели следующие

замечание крупного ученого, профессора физиологии Базельского университета,** который говорит, как оккультист:

«Для нас было бы глупо ожидать, что с помощью только наших внешних чувств мы будем когда-либо способны открыть в живой природе что-либо, чего мы не смогли найти в неживой.»

* См. «Тайную Доктрину», том I, стр. 2 и 3.

** Из статьи, которую он прочел некоторое время назад в качестве публичной лекции.

К этому лектор добавляет, что человек, одаренный «помимо своих физических чувств еще и *внутренним чувством*», восприятием, которое дает ему возможность наблюдать состояние и феномены его собственного сознания, «должен использовать *его*, имея дело с живой природой», — символ веры, подозрительно приближенный к оккультизму. Кроме того, он отрицает предположение о том, что состояние и феномены сознания представляют по своей сути те же самые проявления движения, что и во внешнем мире, и основывает этот взгляд напоминанием о том, что не все такие состояния проявления необходимым образом имеют пространственную протяженность. В соответствии с ним, лишь то связано с нашим представлением о пространстве, что достигло нашего сознания через посредство зрения, прикосновения и мышечного чувства, тогда как все другие ощущения, все *эффекты*, тенденции, как и все бесконечные серии представлений, не имеют протяженности в пространстве, но только лишь длятся во времени.

Таким образом, он спрашивает:

«Где же здесь пространство для механической теории? Возражающие могут сказать, что это так только лишь по-видимости, тогда как в реальности все они имеют пространственную протяженность. Но такой аргумент был бы полностью ошибочным. Единственная причина полагать, что объекты, воспринимаемые нашими чувствами, имеют протяженность во внешнем мире, связана с тем, что они кажутся нам таковыми, поскольку мы можем наблюдать их посредством зрения и осязания. Однако, по отношению к сфере наших *внутренних* чувств даже это предполагаемое основание утрачивает свою силу, и нет никаких оснований принимать его.»

Заключительный аргумент лектора наиболее интересен для теософов. Этот физиолог современной школы материализма говорит:

«Таким образом, более глубокое и более непосредственное знакомство с *нашей внутренней природой* открывает нам мир, совершенно непохожий на тот, который дают нам наши внешние органы чувств, и обнаруживает исключительно разнообразные способности, показывает объекты, не имеющие ничего общего с пространственной протяженностью, и явления, абсолютно несвязанные с тем, что подпадает под действие механических законов.»

До сих пор противники витализма и «жизненного принципа», так же как и последователи механической теории жизни, основывали свои взгляды на предположении, что по мере того, как физиология будет двигаться вперед, ее ученые будут все более и более преуспевать в подчинении физиологических функций законам *слепой материи*. Они говорят, что все те проявления, которые обычно приписывали «мистической жизненной силе», могут быть сведены к действию физических и химических законов. Они заявляли, и все еще громко кричат о признании того факта, что это лишь вопрос времени, когда будет достигнут полный триумф в доказательстве того, что все жизненные процессы во

всей своей совокупности не представляют собой ничего более загадочного, чем очень сложный феномен движения, управляемого исключительно силами неодушевленной природы.

Но вот перед нами профессор физиологии, который утверждает, что к их большому сожалению история физиологии доказывает прямо противоположное; он произносит такие зловещие слова:

«Я считаю, что чем в большей степени становятся точными и разносторонними наши опыты и наблюдения, чем глубже мы проникаем вглубь фактов, чем больше мы пытаемся понять и объяснить явления жизни, тем больше мы приобретаем убеждение, что даже те явления, которые, как нам казалось, мы уже способны объяснить посредством физических и химических законов, *в действительности являются непостижимыми*. На самом деле, они куда более сложные; и, как мы полагаем сейчас, *они недоступны никакому механическому объяснению.*»

Это удар по самодовольному пузырю, известному как материализм, который столь же пуст, сколь и раздут. Иуда в лагере апостолов отрицания — «анималистов»! Но базельский профессор — это не единственное исключение, как мы уже показали; несколько физиологов находятся на том же пути рассуждения, что и он; в действительности, некоторые из них доходят до того, что почти принимают *свободную волю и сознание* в простейших протоплазматических монадах!

В этом направлении происходит одно открытие за другим. Работы некоторых немецких физиологов особенно интересны в отношении проявлений сознания и положительного различия (можно сказать, что «почти что мыслей») у амёб. Амёбы, или простейшие, как известно, — это микроскопический кусочек протоплазмы (как, например, *Vampyrella Spirogyra*), наиболее просто организованная клетка, капля протоплазмы, бесформенная и почти бесструктурная. И все же она обнаруживает в своем поведении нечто, из-за чего зоологи, если они и не называют это разумом или способностью рассуждения, то они должны найти какое-то иное определение этому явлению. Посмотрите, что пишет об этом Сенковский.* Говоря об этой микроскопической клетке красноватого цвета, он описывает способ, при помощи которого она охотится, и обнаруживает среди ряда водных растений одно, называемое *Spirogyra*, отвергая всякую другую пищу. Исследуя ее путешествие под сильным микроскопом, он обнаружил, что если она движется под влиянием голода, то прежде всего вытягивает свою псевдоподию (ложноножку), с помощью которой она может перемещаться. Таким образом она начинает двигаться до тех пор, пока среди разнообразных растений не достигнет *Spirogyra*, после чего она располагается на одной из ее клеток, разрывает ткань и высасывает содержимое этой клетки, затем переходит к следующей, повторяя тот же процесс. Этот исследователь никогда не видел, чтобы она брала какую-либо другую пищу; она никогда не касалась какого-либо из многочисленных растений, которые Сенковский помещал на ее пути. Упомянув о другой амёбе, *Colpadella Pugnax*, он говорит, что обнаружил у нее аналогичное предпочтение к *Chlamydomonas*, исключительно которыми она и питается; «проникая в тело хламидомонады, она высасывает ее хлорофилл и после этого удаляется», — пишет он, добавляя такие важные слова: «Способ действия этих монад во время поиска и принятия пищи столь удивителен, что почти склоняешься к тому, чтобы видеть в них *сознательно действующие существа!*»

* Л. Сенковский. См. его работу «Beitrag zur Kenntniss der Monaden», Archiv f. mikroskop. Anatomie.

Не в меньшей степени впечатляющими являются наблюдения Т. У. Энгельмана («Beitrag zur Physiologie des Protoplasm») на *Arcella* — другом одноклеточном

организме, немного более сложным, чем *Vampyrella*. Он показывает их в капле воды под микроскопом на кусочке стекла, лежащих, так сказать, на спине, то есть на выпуклой стороне, так что псевдоподии, выходящие из края раковинки, не находят в пространстве опоры, и амеба остается беспомощной. В этих условиях наблюдается следующий любопытный факт. Под самым краем одной из сторон протоплазмы немедленно начинают образовываться пузырьки газа, что, делая эту сторону легче, позволяет ей подняться, приводя в то же самое время противоположную сторону в контакт со стеклом, и таким образом ее ложноножки могут прикрепиться к поверхности и повернуть все тело так, что оно поднимется на всех своих псевдоподиях. После этого амеба всасывает в себя обратно эти пузырьки газа и начинает двигаться. Если такого же рода капли воды помещаются на нижнюю поверхность стекла, то вследствие закона тяжести амеба обнаружит себя вначале на нижнем конце капли воды. Не имея возможности найти здесь точку опоры, она вновь создает большие пузырьки газа и, став легче воды, поднимается на поверхность капли.

Говоря словами Энгельмана:

«Если, достигнув поверхности стекла, они находят не больше возможностей для своих ложноножек, чем до того, можно увидеть, что пузырьки газа уменьшаются на одной стороне и увеличиваются в объеме и количестве на другой, или же на обоих, пока эти создания не почувствуют краем своей раковины поверхность стекла и не смогут перевернуться. Это происходит не раньше, чем исчезнут пузырьки газа и амеба начинает ползти. Если осторожно отделить их при помощи тонкой иголки от поверхности стекла и таким образом перенести еще раз на нижнюю поверхность капли воды, то они снова будут повторять тот же самый процесс, видоизменяя его детали в соответствии с собственными потребностями и изобретением новых способов достижения своей цели. Как бы вы не пытались поместить их в неудобную позицию, они найдут способы каждый раз так или иначе избежать этого; и это произойдет не раньше, чем исчезнут пузырьки воздуха. Невозможно не согласиться с тем, что такие факты сами по себе "указывают на наличие некоторого ПСИХИЧЕСКОГО процесса в протоплазме".»*

* *Loc. cit.*, Pfluger's Archiv, том II, стр. 387

Среди множества обвинений азиатских народов в *суевериях*, основанных на «полном невежестве», не существует более серьезного обвинения, чем то, которое осуждает их за персонификацию и *даже обожествление* основных органов человеческого тела. Действительно, не слышали ли мы об этих «невежественных дураках» — индусах, говорящих об оспе, как о божестве, и персонифицирующих таким образом микробов оспы? Не читали ли мы о *тантриках* — секте мистиков, дающих собственные имена нервам, клеткам и артериям, отождествляющих различные части тела с божествами, наделяющих физиологические процессы разумом, и так далее? Позвонки, волокна, ганглии, спинной мозг, и так далее, в позвоночнике; сердце с его четырьмя камерами, желудочком и предсердиями, сосудами и так далее; желудок, печень, легкие и селезенка, — все имеет свое собственное божественное имя и считается *действующим сознательно*, по воле йога, чьи голова и сердце являются местом обитания Брахмы, а различные части тела — площадками для игр того или иного божества!

Вот это поистине *невежество*. Особенно когда мы думаем, что вышеназванные органы и все тело человека состоят из клеток, и эти клетки сегодня признаются индивидуальными организмами и — *quien sabe* — может быть настанет день, когда их будут считать *независимой расой мыслителей*, населяющих земной шар, называемый человеком! И на самом деле, похоже, что так оно и есть. Ибо не считали ли до сих пор, что все явления ассимиляции и всасывания пищи желудочным каналом можно объяснить законами

диффузии и эндосмоса? А теперь, увы, физиологи должны признать, что деятельность желудочного канала во время акта абсорбции не идентична с деятельностью неживой мембраны в диализаторе. Ныне убедительно продемонстрировано, что

«эта стенка покрыта эпителиальными клетками, каждая из которых является организмом *per se*, живым существом с очень сложными функциями. Мы знаем, далее, что такая клетка ассимилирует пищу путем активного сокращения своего протоплазматического тела — способом, столь же загадочным, как и тот, который мы наблюдаем у свободнодвижущейся амебы и других одноклеточных. На желудочном эпителии холоднокровных животных мы можем видеть, как эти клетки выпускают отростки (псевдоподии) из своих протоплазматических тел, способных к сокращению; эти псевдоподии, или ложноножки, вылавливают из пищи капли жира, втягивают их в протоплазму и передают дальше по лимфатическим протокам... Лимфатические клетки, исходящие из скоплений жировой ткани, протискивающиеся через эпителиальные клетки до поверхности кишки, абсорбируют там капли жира и, нагруженные своей добычей, двигаются по направлению к «дому» по лимфатическим каналам. До тех пор, пока такая активная работа этих клеток оставалась неизвестной нам, тот факт, что капли жира проникают через стенки кишки в лимфатические каналы, тогда как мельчайшие пигментированные частички, введенные в кишечный тракт, не делают этого, оставался необъясненным. Но сегодня мы знаем, что способность выбирать свою собственную пищу, ассимилируя полезное, и отвергая бесполезное и вредное, является общим для всех одноклеточных организмов.»*

* Из научного доклада, прочитанного профессором физиологии Базельского университета и цитированного выше.

И профессор спрашивает: если такая дискриминация в выборе пищи имеется даже у простейшей и наиболее элементарной клетки, представляющей собой бесформенную и бесструктурную *каплю* протоплазмы, — то почему надо отказываться в этом эпителиальным клеткам нашего кишечного канала? Действительно, если *Vampyrella* распознает свою любимую спирогиру среди множества других растений, как это показано выше, — то почему же эпителиальная клетка не должна *ощущать* и *выбирать* свою любимую каплю жира среди гранул пигмента? Но нам будут говорить, что «ощущение и выбор» подобают лишь разумным существам, или по крайней мере обладающим *инстинктом* животным с более развитой структурой, нежели у протоплазматических клеток внутри или вне человеческого организма. Согласны; но поскольку мы ссылаемся на лекцию уважаемого физиолога и на труды других почтенных натуралистов, мы можем лишь сказать, что эти ученые джентльмены должны знать то, о чем они говорят, — хотя они, вероятно, не осведомлены о том, что их *научная* проза всего лишь на градус отстоит от *невежественной, полной предрассудков*, но весьма поэтической «болтовни» индийских йогов и тантриков.

Как бы там ни было, наш профессор физиологии ссорится с материалистическими представлениями о диффузии и эндосмосе. Вооруженный фактами, свидетельствующими об очевидной способности к различению и о наличии *некоторого разума* у отдельных клеток, он на многочисленных примерах демонстрирует ошибочность попыток объяснения определенных физиологических процессов при помощи механических теорий, — таких, как прохождение сахара из печени (где он превращается в глюкозу) в кровяное русло. Физиологи встречаются с большими трудностями при объяснении этого процесса и *считают невозможным подвести его под действие эндосмотического закона*. По всей вероятности, лимфатические клетки принимают столь же активное участие в процессе абсорбции питательных веществ, растворенных в воде, как и пептиды, что хорошо

продемонстрировано Ф. Гофмейстером.* Вообще говоря, бедный и очень подходящий эндосмос был сброшен с трона и изгнан из среды активных механизмов, работающих в человеческом теле, как бесполезный обладатель синекуры. Он потерял право голоса в деятельности желез и других секреторных органов, где его заменили те же самые эпителиальные клетки. Таинственные способности выбора или извлечения из кровяного русла одного рода веществ и отвергания других, трансформации первых при помощи разложения и синтеза, направления части таких продуктов в поток, который что-то выведет из тела, а что-то направит в лимфатические и кровяные сосуды, — вот в чем состоит работа этих клеток. «Очевидно, что во всем этом нет ни малейшего намека на диффузию или эндосмос», — говорит базельский физиолог. — «Становятся абсолютно бесполезными попытки объяснить эти явления при помощи химических законов».

* «Untersuchungen über Resorption der Nachstoffe» (Архив экспериментальной патологии и фармакологии, XIX, 1885).

Но может быть физиологии больше везет в какой-либо другой ее области? Потерпев неудачу с законами питания, она, возможно, нашла поддержку своим механическим теориям в вопросах активности мышц и нервов, которую она пытается объяснить законами электричества? Увы, за исключением нескольких рыб, ни в каких других живых организмах, и менее всего в человеческом теле, она не сумела найти никакой возможности, чтобы доказать, что электрический ток является главным действующим агентом. Электробиология, основанная на деятельности чистого электричества, вопиющим образом не удалась. Не знающему «Фохат» не хватит никаких электрических токов, чтобы объяснить мышечную или нервную активность!

Но существует такой предмет, как физиология внешних ощущений. Здесь мы не находимся более на *terra incognita* [неведомой земле]: все явления такого рода уже имеют чисто *физические объяснения*. Без сомнения, имеется феномен зрения, глаз со своим оптическим аппаратом, своей камерой-обскурой. Но факт сходства воспроизведения предметов в глазу и на светочувствительной пластинке фотоаппарата *не является витальным*. То же самое может быть получено и *в мертвом глазу*. Феномен жизни состоит *в эволюции и развитии самого глаза*. Как производится эта удивительная и исключительно сложная работа? На это физиологи отвечают: «Мы не знаем»; ибо на пути к решению этой проблемы

«физиология сделала до сих пор лишь первый шаг. Верно, мы можем проследить за последовательными стадиями развития и формирования глаза, но у нас нет никакой идеи о том, *почему* это протекает именно так, и *каковы* причинные связи в этом процессе. Второй существенный феномен в деятельности глаза — это его аккомодационная активность. И здесь мы опять сталкиваемся лицом к лицу с функциями нервов и мышц — этой старой и неразрешимой загадкой. То же самое можно сказать и в отношении всех других органов чувств, и то же относится к другим областям физиологии. Мы надеялись объяснить явление циркуляции крови при помощи законов гидростатики и гидродинамики. Конечно, кровь движется в соответствии с гидродинамическими законами, но она подчиняется им лишь *пассивно*. Что же касается *активных* функций сердца и мышц, образующих стенки кровеносных сосудов, то *до сих пор никому еще не удалось объяснить их деятельность законами физики.*»

В заключительной части лекции почтенного профессора есть немало слов и выражений, достойных оккультиста. Поистине, создается впечатление, что он повторяет афоризм из «Первоначальных сведений» эзотерической физиологии или *практического оккультизма*:

«Загадка жизни находится в активной деятельности живого организма,* истинного восприятия которой мы можем достичь лишь путем самонаблюдения, а не благодаря нашим внешним чувствам; путем наблюдения нашей воли, поскольку она проникает в наше сознание и, таким образом, открывается для нашего внутреннего чувства. Поэтому, когда одно и то же явление воздействует только на наши внешние чувства, мы не распознаем его. Мы видим нечто, связанное с феноменом движения, но мы не постигаем сути этого явления, поскольку у нас нет специального органа для ее восприятия. Мы можем принять эту «сущность» в чисто гипотетической форме, и мы делаем это, говоря об «активных функциях». Именно так поступает каждый физиолог, ибо он не может двигаться дальше без такой гипотезы; и это — первый опыт *психологической интерпретации* всех жизненных феноменов... Если нам демонстрируют, что мы не способны с помощью одной лишь физики и химии объяснить феномены жизни, — чего же мы можем ожидать от таких примыкающих к физиологии дисциплин, как морфология, анатомия и гистология? Я считаю, что они никогда не смогут помочь нам в разрешении проблемы хотя бы одного из загадочных жизненных явлений. Ибо, после того как мы преуспели с помощью скальпеля и микроскопа в разделении организмов на их самые элементарные компоненты, дойдя до самой простой клетки, — именно на этом месте мы обнаруживаем себя лицом к лицу с величайшей из всех проблем. Простейшая монада, микроскопическая частичка протоплазмы, бесформенная и лишённая структуры, обладает однако основными жизненными функциями — питанием, ростом, размножением, движением, способностью к ощущениям и чувственным восприятиям, и даже к таким функциям, которые замещают «сознание» — душу высших животных!»

* *Жизнь и активность* — это два разных названия для одной и той же идеи, или, более точно, это два слова, с которыми человек науки вообще не связывает какого-либо определенного представления. Тем не менее, и может быть благодаря этому, он вынужден ими пользоваться, ибо в них содержится возможность контакта между самыми трудными проблемами, на которых всегда спотыкались крупнейшие мыслители материалистического направления.

Действительно, для материализма это ужасная проблема! Сделают ли наши клетки, а также бесконечно малые монады природы то, что до сих пор не удалось сделать для нас аргументам величайших пантеистических философов? Будем надеяться на это. И если они сделают это, то «суеверные и невежественные» восточные йоги, а также их экзотерические последователи почувствуют себя оправданными. Ибо от того же самого физиолога мы слышим, что:

«Эпителиальные клетки предотвращают проникновение в лимфатическое пространство многих ядов, хотя известно, что они легко разлагаются желудочным и кишечным соком. Более того. Физиологи понимают, что при прямой инъекции этих ядов в кровяное русло они будут выделены из него, и снова проникнут через кишечные стенки, и в этом процессе наиболее активную роль играют *лимфатические клетки*.»

Если читатель обратится к словарю Вебстера, он найдет там любопытное объяснение слов «лимфатический» и «лимфа». Этимологи считают, что латинское слово «лимфа» происходит от греческого «нимфа», что означает «низшее божество». «Поэты иногда называли муз *нимфами*. Поэтому стали говорить, что люди, способные быть в состоянии экстаза, — такие как ясновидящие, поэты, безумные и т. п. — пойманы нимфами».

Богиня влаги (т. е. греческая *нимфа*, или латинская *лимфа*) в индийских преданиях считается рожденной из *пор* одного из богов, в разных верованиях это или бог океана, Варуна, или же второстепенный «речной бог». Но главное в том, что древние греки и римляне, как получается, разделяли те же «суеверия», что и индусы. Это суеверие

сохраняется и до наших дней: каждый атом в четырех (или пяти) элементах материи является эманацией низшего бога или богини, которые в свою очередь являются эманациями высшего божества; более того, каждый из этих атомов, будучи Брахмой, одним из имен которого является *Ану*, или атом, становится эманацией не раньше, чем он будет наделен своего рода сознанием и свободной волей, действующей в пределах закона. Тот, кто знает, что *космический тримурти* (троица) состоит из Брахмы — Творца, Вишну — Хранителя и Шивы — Разрушителя, являющегося наиболее величественным символом *материальной* Вселенной и ее эволюции; тот, кто находит подтверждение этому в этимологии имен этих божеств,* а также в доктринах Гупта Видья, или эзотерического знания, — тот знает и то, как правильно понять это «суеверие». Пять основных титулов Вишну, помимо *Ану* (атом), общему для всех действующих лиц троицы, — это *Бхутатман*, т. е. тот, кто создает или испускает мировую материю; *Прадханатман*, «единый с чувствами»; *Параматман*, «Высшая Душа», и *Атман*, Космическая Душа, или Универсальный Разум; и отсюда хорошо видно, что древние индусы наделяли разумом и сознанием каждый атом и давали ему особое имя того или иного бога или богини. Если поместить этот пантеон, состоящий из 30 крор (т. е. 300 миллионов) божеств внутри макрокосма (Вселенной), или внутри микрокосма (человека), — то окажется, что это количество нет нужды переоценивать, поскольку оно относится к атомам, клеткам и молекулам всего существующего.

* «Брахма» происходит от корня «брих» — «распространяться», «рассеиваться»; «Вишну» — от корня «вис», или «виш» — «входить в», «проникать» во вселенную или материю. Что касается Шивы — покровителя йогов, то этимология его имени останется *непостижимой* для простого читателя.

Несомненно, что все это чересчур поэтично и трудно для понимания нашего поколения; и все же оно выглядит решительно более научным, чем те представления, которые вытекают из самых последних открытий в области *физиологии* и *естественной истории*.

«Люцифер», апрель 1890 г.